

*

1 авт. -
с. 17.

Я с интересом прочел статью "Улыбка Венички" и благодарен Лидии Панн за корректность полемики ("РМ" №4080). Я действительно предлагаю "литературе в ее нынешней ситуации" путь второго тома "Мертвых душ". Но я иначе это понимаю. Задача второго тома была выполнена. Это сделали Толстой и Достоевский. Правда, Гоголь хотел другого, чтобы идеальный русский человек был хорошим хозяином. Это не вышло. Мышкин раздал свой миллион проходимцам, Наташа Ростова велит сбросить с телег графское имущество и погрузить раненых.

Однако литература не обязана давать качественные советы. Достаточно того, что в романе Достоевского есть души ада (Свидригайлов), чистилища (Раскольников) и рая (Соня) — все то, что удалось Данте и не удалось Гоголю. У Толстого иначе, без ада и рая, но все равно: в литературе XIX века есть кого любить, есть на кого обернуться.

Двадцать лет тому назад в "Снах земли" я писал, что Ерофеев открыл нам страшную правду о России, что развитие России пойдет не по Сахарову, не по Солженицыну, а по Ерофееву — юридски. Я не требовал от Ерофеева, чтобы он писал иначе. Но сегодня, после Ерофеева, нужен "второй том «Мертвых душ»".

Поясню свою мысль примером. Шаламов создал непревзойденный образец лагерной прозы. Но, слава Богу, в "Архипелаге" был дан противовес безнадежному миру "Колымских рассказов". Мне дорог образ врага народа ээка Солженицына, друга чеченцев и латышей, еще не отождествившего себя с задачей обустройства России. Пройти сквозь пламя ада и выйти в чистилище — шаг к осуществлению формулы Рильке: "Прекрасное — та часть ужасного, которую мы можем вместить". Это, кстати, не противоречит Мышкину. Спасет мир та красота, которая родится по ту сторону ада.

ГРИГОРИЙ ПОМЕРАНЦ

Москва

Должна прибавить несколько строк, потому что меня как переводчика Рильке, глубоко вжившегося в его мир, очень волнует, когда трактуют произвольно "Прекрасное — та часть ужасного, которую мы можем вместить" — фраза из письма, комментирующего "Дуинские элегии".

Мысль Рильке никоим образом нельзя свести к трактовке Л.Панн: "много ужасного мы опять найдем, но к концу книги оно станет прекрасным". Это не про то. Ужасное не становится прекрасным. Речь идет о том, сможем ли мы, приняв вызов ужасного, стать другими. Сможем ли справиться с ужасным, т.е. вместить внутрь и не потонуть, не раствориться в нем? Кто кого вместит и потопит в себе — оно душу или душа его?

Русский современник Рильке св.Силуан говорил: "Держи ум свой во аде и не отчаивайся". То есть человек не должен никогда забывать об аде, иначе его жизнь легковесна и мелка. Но он должен понять, что внутри него есть сила, способная вместить ад и перерасти его. Свет больше тьмы. "Свет во тьме светит, и тьма не объяла его".

Венедикт Ерофеев не отвернулся от ада. Но вот сумел ли он, погружаясь в ад, не отчаяться? Или — не будем тревожить вопросами страдальческую тень, а сформулируем свою собственную задачу. Мы уже в аду. Он захлестывает нас. Сумесм ли мы найти внутреннюю силу, чтобы не отчаяться? А только это одно и значит — вместить.

ЗИНАИДА МИРКИНА

Москва